

Теоретические основы культурной политики и интегрирование идеи культуры в общественный дискурс

В статье раскрываются проблемы современной политики России в сфере культуры: общественный статус культуры, признание ее как мощного интеграционного потенциала социума и источника творческого развития личности. Анализируются итоги Года культуры в России. Выделяются основные направления теоретической и экспертной деятельности, связанные с разработкой концептуальных оснований и законодательных механизмов стратегического управления в области культуры. Показано, что достижение соответствия разрабатываемой модели культурной политики образу культуры России — длительный путь, начало которому заложил прошедший Год культуры.

Ключевые слова: культура, государственная культурная политика, Год культуры, стратегия развития культуры, концепция культурной политики, правовые механизмы, дискурс культуры, региональные практики, культурная среда.

Год культуры для России стал временем расширения представлений о культуре как источнике развития общества и каждого человека.

Уже сегодня очевидно, что XXI в. войдет в историю России как сложный период, насыщенный новыми достижениями, событиями и открытиями, время геополитических и социокультурных вызовов, требующих серьезного осмысления и выбора оптимальных решений для их преодоления.

Еще несколько десятилетий назад преимущества экономических механизмов для общественного развития перед иными инструментами культурной политики не подвергались сомнению. За-

**Ольга Николаевна
Астафьева,**

директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федераций Федерального Собрания Российской Федерации, доктор философских наук, профессор

конодательное закрепление в 1992 г. в законе РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (ст. 45) фиксируемой ставки бюджетного финансирования сферы (2% — федеральные обязательства, 6% — обязательства субъекта РФ) — рассматривалось как большое достижение. На этапе становления рыночной экономики, когда сфера культуры была вынуждена адаптироваться к новым условиям функционирования при постепенном снижении объемов государственной поддержки, включился «эффект колеи». Дело в том, что пресловутый остаточный принцип финансирования, ставший дамкловым мечом для сферы культуры с конца 1960-х гг., не исключал при явном идеологическом давлении государства наращивания материально-технической базы культуры. Постепенное сужение сферы его ответственности в отношении социально значимых отраслей во многом породило глубокий социально-политический кризис [3, с. 39]. Сокращение бюджетного финансирования предопределило спад активности государственных учреждений сферы, негативную динамику показателей эффективности и доступности.

Изменившиеся условия и социальная реальность рубежа веков вывели культуру в центр общественного внимания, обусловили «запрос» на концептуальное обновление культурной политики и переосмысление отношения государства к культуре, обозначив процесс освобождения от «экономической зависимости». Как показывает анализ официальных материалов и научных публикаций, из этого не следует вывод, что между «узковедомственными» и широкими теоретическими представлениями о культуре преодолены расхождения: по-прежнему сохраняется разное понимание границ культуры как отрасли и возможностей ее управления. В чем основная суть этих расхождений?

Трактовка культуры как многомерного феномена позволяет включать фактически любой объект в разные смысловые контексты, человеческую деятельность, процесс коммуникации. Исходя из этого, культура выступает в своих множественных формах, типах и рассматривается как совокупность взглядов, убеждений, традиций, ценностей и практик, характеризующих разные социальные группы людей, складывающихся на протяжении длительного времени и передающихся от поколения к поколению. Возможно ли «провести ведомственную черту» между культурой как образом жизни, культурой как основой социальных связей в обществе и культурой как основой личностного становления и самоуважения? Если признается, что культура — это не только фундамент социальной самоорганизации, обеспечивающий порядок и успешность взаимодействия людей, но и источник конфликтных семантических пространств, инициирующий расхождения в ценностях и смыслах, то возникают новые вопросы. Какими инструментами можно оказывать управленческие воздействия на социокультурные процессы, чтобы культурная деятельность людей способствовала развитию преимущественно позитивных отношений в обществе и воспитанию взаимопонимания между его членами? От каких характеристик отказаться, чтобы признать свободу культуры от любых оков детерминизма — идеологического, экономического?

На разных уровнях культуры (специализированном и обыденном), в разных сферах деятельности (профессиональной, образовательной, художественной и т. д.), в области социальных и межличностных коммуникаций человек проявляет себя как человек культуры посредством воспринятых и освоенных практик и институтов, соответствующих конкретно-историческому времени и социокультурной ситуации. Поэтому культура выступает не только результатом личностного саморазвития, но и особой областью деятельности — культурным сектором, стержень которого составляет творчество людей. Абсолютизация творчества во всех его проявлениях — не самая слабая концептуальная позиция, ведь поддержка культуры и регулирующих ее институтов составляет магистральное направление деятельности системы государственного управления, признающего культуру как самоценность и ресурс общественного развития.

Описанная дискуссионная ситуация, дополняемая размышлениями о социокультурных тенденциях в молодежной среде не столько на культуру

и искусство в их высоком понимании, сколько на развлечения и «продукцию» индустрии досуга, предшествовала появлению дискурса о необходимости изменения сложившегося положения в выступлениях общественных и политических деятелей и экспертов, предваривших появление Указа Президента Российской Федерации В.В. Путина «О проведении Года культуры в Российской Федерации» от 22 апреля 2014 года. Хотелось бы верить, что именно в таком широком ключе и понимании безграничных возможностей культуры это событие и задумывалось.

Стал ли Год культуры таковым в полном масштабе пока трудно сказать, однако сложилось общее положительное впечатление от продвижения идеи «тотальности» культуры. Полагаясь на способность культуры создавать и усиливать дополнительные эффекты, отложенные во времени, в ближайшей перспективе общество в полной мере сможет оценить силу интегрирования феномена культуры во все сферы публичной политики России. Отметим главное: в этом дискурсе проявляется высокий кредит доверия общества, признание значимости культуры для настоящего и будущего России.

Год культуры показал возможности влияния культуры на общественное сознание, где закрепляемое государством в правовых документах и программах понимание культуры как сферы и ведомства (причем, финансируемого по остаточному принципу, а значит, и не столь важное) постепенно эволюционирует к пониманию культуры как среза, который пронизывает все области человеческой деятельности, наполняет их особым содержанием. Ведь культура способна актуализировать межотраслевые проблемы, удерживать идентификационное единство страны. Нельзя упускать из виду и то, что в разные исторические периоды и при определенных обстоятельствах именно культура стимулировала «борьбу идентичностей», например, перенося вопросы о языке в сферу политического противостояния и др.

Проблемы культурной политики становятся проблемами национального масштаба — общественного статуса культуры, признания ее мощного интеграционного потенциала для социума. Региональные практики создания дискуссионных экспертных площадок позволяют обновлять управленческие подходы к регулированию социокультурных процессов.

На первом заседании Организационного комитета по проведению Года культуры на обсуждение был представлен План основных мероприятий, в котором были выделены базовые направления деятельности, связанные с изменением культурной среды, в том числе укрепление инфраструктуры сферы культуры и организация событийного ряда, раскрывающегося через череду праздничных, творческих и практических

мероприятий, конференций и форумов. Особо подчеркнем принципиально важный факт: на первый план были вынесены стратегические задачи разработки концептуальных идей о развитии культуры на длительный период. Обсуждение целей и задач Года культуры по всей стране послужило импульсом к конкретизации и уточнению направлений деятельности всех субъектов культурной политики с целью изменения культурной среды и разработки соответствующих механизмов культурной политики. Значительное число тематических мероприятий было дополнительно включено в планы по проведению Года культуры в субъектах Российской Федерации. Тем самым четче высветились на дискуссионных и экспертных площадках многие актуальные проблемы:

- сохранение духовных ценностей в современном обществе, формирование патриотизма, социальной солидарности в молодежной среде (Десятые Всероссийские Балашовские чтения, Великий Новгород, ноябрь 2014 г.);

- гармонизация традиций и новаций в разных сферах профессиональной культурной деятельности, поддержка развития народного творчества (I Всероссийский фестиваль и выставка народной культуры, Сочи, ноябрь 2014 г.);

- соотношение этнокультурной и гражданской идентичности; сохранение, поддержка и развитие национальных культур (XVII Международный фестиваль мастеров искусств «Мир Кавказу» и научно-практическая конференция «В единстве национальных культур — целостность Российского государства», Ставрополь, сентябрь 2014 г.; семинар-конференция региональных и муниципальных организаций культуры России, Ялта, Республика Крым, октябрь 2014 г.);

- поддержка русского языка как государственного (Всероссийский форум «Русский язык в диалоге культур», Пермь, июнь 2014 г.);

- использование ресурсов культуры для социально-экономического развития территории и поиски партнерского взаимодействия с бизнесом, повышение качества жизни, внедрение креативных проектов, сохранение культурного наследия, развитие туризма (IV Международный Ульяновский форум «Культура и инвестиции: региональный аспект», сентябрь 2014 г.; I Арктический форум «Культура как стратегический ресурс развития современного общества», Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, апрель 2014 г.; Международная конференция «Культура как ресурс социально-культурного развития территории: культура и качество жизни», Республика Хакасия, июнь 2014 г.; Московский культурный форум, октябрь 2014 г.) и др. [4, с. 54—62, 307, 327—328; 5, с. 146—147].

В контексте развития культурной среды тема укрепления единого социокультурного пространства и формирования коллективной идентичности

получила обсуждение на межрегиональных форумах в числе финальных событий Года культуры в субъектах Российской Федерации: Съезде работников культуры Сибирского Федерального округа (Красноярск, ноябрь 2014 г.) и II Югорском культурном форуме, собравшем руководителей органов исполнительной власти Уральского Федерального округа (Ханты-Мансийск, декабрь 2014 г.), III Международном Санкт-Петербургском культурном форуме и Культурном форуме регионов в Москве (декабрь 2014 г.), на которых подводились предварительные итоги обсуждения концептуальных документов культурной политики.

Особо отметим инициативу территориальных управленческих структур в сфере культуры Сибирского федерального округа (СФО). Действуя в духе принципов Координационного объединения «Сибирское соглашение», созданного более десяти лет назад и продемонстрировавшего успешность интегративных межрегиональных взаимосвязей, они обсудили управленческие задачи развития социокультурной среды СФО и укрепления межкультурных связей. Обратившись к координации как механизму стратегического управления большими коллективными субъектами, основанному на признании равных возможностей, регулируемых правовыми нормами и соглашениями о партнерстве, руководители и работники сферы культуры разработали перспективный план укрепления единого культурного пространства Сибири. Исходя из того что координация не исключает конкуренции, участники съезда согласились руководствоваться принципами непротиворечивости общим стратегическим целям — ориентации на всемерное разворачивание человеческого потенциала и творческих возможностей каждого жителя Сибири. В данном случае проблема коллективной идентичности, наряду с другими темами, обсуждалась сквозь призму основных положений «Основ государственной культурной политики».

Обратим внимание на два центральных аспекта. Первый связан с поисками эффективных механизмов интеграции уровней территориальности в единое российское сообщество, снижающих риски разрушения сопряженности между идентификационными уровнями (территориальных идентичностей и коллективной идентичностью, основанной на единстве пространства Российского государства). Другой аспект проблемы составляют вопросы, ответы на которые еще предстоит найти:

- какие ценности лежат в основе локальных и региональных идентичностей, какова степень взаимопроникновения этих уровней?
- нет ли рисков наращивания конфликтности между ними, какова конфигурация культурной среды в регионах, включенных в федеральные округа?
- какое место занимает культура, история, культурная память в соотношении общероссийской и региональной идентичностей, в чем специфика территориальной идентичности таких регионов России?

Включение всего многообразия проблем культуры в тематическое поле публичной политики в региональные дискурсы в полной мере соответствует пониманию стратегической роли культуры как духовно-нравственного основания развития личности и общества, привлекает внимание территориальных властей к развитию социокультурной среды, отвечая современной ориентации на повышение роли культуры в мире [2].

Нельзя не отметить, что именно в этот год осуществлялось реформирование институциональной сферы культуры, сопровождавшееся структурными трансформациями и кардинальными кадровыми изменениями, обнажив блок также далеко не новых проблем, таких как: дискуссионность перенесения на сферу культуры тех же механизмов управления, которые действуют и в других областях общественной системы, особенно в кадровой области. Конструктивные приемы смены руководящих кадров в течение года подвергались критике со стороны ученых, экспертов и журналистов и, как показало время, были не всегда необоснованными. Ориентация на решение проблем финансовой эффективности и сверхбыстрое реформирование институциональной системы сферы культуры без осознания подлинных масштабов

и глубины последующих за этими шагами культурных изменений еще ожидают аналитической работы, прежде всего это касается судьбы научно-исследовательских институтов, подведомственных Министерству культуры Российской Федерации. Серьезные расхождения в оценках получил факт закрытия Российского института культурологии (РИК) — признанного центра научно-исследовательской мысли в области культуры и искусства не только в стране, но и за рубежом. Было проведено его слияние с Институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, который, соответственно, был частично репрофилирован и «поглотил» культурологические филиалы РИК. Конечно, подобные административные реформы «потонули» в масштабе более значимых общегосударственных задач, что, впрочем, не означает, что данные действия не отразятся на отечественном социально-гуманитарном знании.

Год культуры актуализировал проведение кадрового аудита на всех уровнях системы управления. В целом, уровень профессиональной подготовки и переподготовки управленческих кадров в сфере культуры, формирования культурологической экспертной среды остался вне проблемы Года культуры.

Год культуры войдет в историю России не только множеством успешных событий и менее удачных мероприятий, но, прежде всего, постановкой и поиском путей решения стратегических задач культурной политики.

Культурная политика выступает как многоуровневая система взаимосвязанных концептуализаций, базирующихся на определенных ценностно-смысловых концептах, идеях, циркулирующих в конкретном обществе и отвечающих приоритетам внутренней и внешней политики страны. Год культуры отмечен постановкой и процессом решения *трех стратегических задач*:

- утверждением «Основ государственной культурной политики России» — концептуальных положений и принципов взаимоотношения государства и культуры;
- разработкой нового проекта федерального закона «О культуре в Российской Федерации» — базового правового механизма реализации культурной политики и принципов осуществления культурной деятельности;
- подготовкой «Стратегии развития культуры в Российской Федерации до 2025 года» — большого социального прогностического проекта государства, обоснующего основные задачи культурной политики, ресурсы и механизмы их решения на длительный период.

Для разработки этих документов, создающих систему регулирования социокультурного развития — новую модель культурной политики, важны теоретические обоснования культуры, что, собственно, и показал почти полугодовой про-

цесс обсуждения проекта «Основ государственной культурной политики». Наиболее острые дискуссии развернулись в кругу профессионалов. Одним экспертным группам не хватало в тексте широты охвата актуальных феноменов культуры, что, по их мнению, можно было бы преодолеть путем опоры на деятельностный подход; других экспертов не устраивало тематическое представление конкретного ценностного ряда и культурных смыслов, раскрывающихся в тексте благодаря обращению к аксиологическому инструментарию.

Несомненно, выбор ценностно-смысловых оснований, разделяемых или допускаемых на основе консенсуса большинством экспертов в качестве базовых для культурной политики, стал сложнейшей задачей в условиях существующего в российском обществе многообразия культурных и ценностных иерархий. Сильное смысловое напряжение в тексте и возникающих контекстовых коннотациях создавалось как общими положениями (о традиционных ценностях, культурных кодах и т. д.), так и конкретизирующими текст идеями о влиянии Интернета и др., когда проблемно-тематическая и стилевая фрагментация идей разрушала единое смысловое пространство концепции.

Открытое обсуждение текста «Основ государственной культурной политики» показало, что концептуально завершённые формы документов (независимо от их типа — концепция ли это, стратегия или законопроект) подготовить в столь сжатые сроки очень сложно, потому что эти тексты являются своего рода квинтэссенцией актуальных и потенциальных проблем и интерпретаций, вытекающих из них потенциальных управленческих решений и обеспечивающих связку многих межведомственных проблем в единый «узел». Перед участвующими в подготовке текстов рабочими группами ставились сложные вопросы, ответы на которые приходится искать не только путем обращения к известным теоретическим моделям и методологическим схемам, но и посредством многофакторного системного анализа и их непосредственного включения в происходящие процессы. Для проекта «Основ государственной культурной политики» предложения и замечания стали источником для уточнения ориентиров культурной политики, обновления подходов, адаптирующих известные модели и схемы к динамично изменяющемуся социокультурному контексту.

Насколько философско-культурологическая мысль влияет на сферу политической ответственности публичных властей? Способна ли современная интеллектуальная элита сохранить независимость мышления, неидеологические формы самовыражения, при участии в формировании модели современной культурной политики?

Эти вопросы — далеко не теоретического уровня, скорее, они имеют глубокий практический смысл.

В Год культуры потребность в концептуальных текстах возросла, поскольку ими укрепляется дискурс широкого понимания культуры. Дополнительное обоснование получает тема преодоления межведомственных барьеров для решения социокультурных задач. Очевидно, что аналитика проблем культуры интегрирует вопросы, лежащие в области социальной и культурной политики; характерна она и в контексте обсуждения задач образовательной политики, информационной, научно-технической и др. Проблемы общей культуры населения, доступности культурных ценностей, воспитания «человека культуры», открытого для творческой самореализации, не могут быть в полном объеме переданы ни на какие ведомственные уровни, тем более ограничиваться ведомственными решениями.

Главное, что должно быть закреплено в «Стратегии развития культуры в Российской Федерации до 2025 года», — это широкое понимание культуры, взаимосвязь и взаимозависимость всех социокультурных проблем, перспективы формирования нового образа культуры и фундаментальные обоснования для создания современной модели развития культурной среды России [1]. При такой методологической трактовке документ закрепит основные идеи и подходы, средства, методы и механизмы, которыми можно преодолеть сложнейшие социокультурные проблемы и вызовы XXI в.; обозначит возможные пути согласования культурных традиций и векторов социокультурной модернизации со стратегией социально-экономического развития России в целом (итоговые результаты Года культуры в Российской Федерации, зафиксированные в материалах заседания Государственного совета (декабрь 2014 г.), будут проанализированы в следующих номерах журнала. — *Примеч. ред.*).

Следует иметь в виду, что смещение дискурса в сторону активного творчества, вовлеченности населения в культурную жизнь, приобщения к ценностям мировой и национальной культуры, созданию условий для равного доступа к специализированным институтам культуры предполагает стратегию на расширение сферы ответственности государства за качество повседневной жизни людей. Не в последнюю очередь именно поэтому подготовка текста «Стратегии развития культуры в Российской Федерации до 2025 года» не может быть продуктом группы исследователей, придерживающихся одной методологической установки. Только обращение к междисциплинарным и трансдисциплинарным методам (как обеспечивающим широкий подход к познанию такого сложного феномена, как культура) позволит ученым и экспертам избежать «спекуляциями будущим», ибо нельзя быть свободным, находясь либо в узкодисциплинарных границах, либо оперировать теми приемами, какие используются сегодня в политических дискуссиях относительно социокультурного развития. Текст документа не должен страдать от смешения стилей и дискурсов, так как этот документ должен быть жанрово точен и лишен метафоричности, выступающей своего рода катализатором напряжения через выявление новых значений и интерпретаций культуры.

Культурная политика российского государства — это особый вид деятельности государства и особая сфера его ответственности за социокультурное развитие. Одним из показателей результативности культурной политики выступает совершенствование законотворческой отраслевой базы, которая позволяет обществу преодолевать возникающие проблемы и риски. При этом излишни поиски доказательств относительно того, что хорошие, правильные (других и не должно быть) законы открывают пространство для творчества и социокультурного развития, а не жестко регламентируют свободу культурного самовыражения.

Законодательная база — остов, закрепляющий определенный вектор культурной политики государства, выстраиваемой на научно обоснованных взглядах и концептуально оформленных позициях.

Все они базируются на общенациональных ценностях, отвечают конкретным целям и приоритетам. Следует подчеркнуть, что социокультурное пространство не будет преобразовано, иначе — модернизировано, если

взаимодействие всех субъектов культурной политики не станет открытым и направленным на реформирование, ценности и идеи которого отвечают задачам государственного развития. И, наконец, без комплекса законодательных актов, своевременного внесения в них изменений, разработки новых законопроектов, поддержки новых инициатив, отвечающих современной социокультурной ситуации, ни одна из проблем не может быть решена.

В течение года велась интенсивная работа над разработкой Федерального закона «О культуре в Российской Федерации», предметом регулирования которого должны стать общественные отношения, возникающие в связи с реализацией конституционных прав и обязанностей в сфере культуры, обеспечением государственных гарантий прав и свобод человека в сфере культуры, а также при осуществлении культурной деятельности. Закон выступает механизмом, который устанавливает организационные и экономические основы культурной деятельности в Российской Федерации, закрепляет основные принципы государственной политики в сфере культуры, способствует созданию необходимых условий для развития и реализации культурного и духовного потенциала каждого сообщества и каждой личности.

В ситуации, когда действующий в настоящее время Федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятый еще в 1992 г., претерпел многократные изменения, возникла острая потребность в совершенствовании правовых и экономических механизмов культурной политики. Об этом говорили участники Парламентских слушаний по культуре, заседаний Организационного комитета по проведению Года культуры в Российской Федерации, докладчики на международных конференциях по вопросам культурной политики и др., поддерживающие новый законопроект. Согласно другой точке зрения, подготовленный документ носит комплексный характер, что потребует серьезных согласований с другими законами, действие которых распространяется на разные области культурной деятельности. Предлагается вернуться к варианту законопроекта, принятому в первом чтении Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.

Конечно, все отраслевое законодательство нуждается в постоянном системном совершенствовании. В течение года шла интенсивная работа над законопроектами по ряду направлений: охрана объектов культурного наследия, архивное дело, защита детей от определенного рода информации. Вносились поправки в законы о библиотечном деле, музейном фонде, вывозе и ввозе

культурных ценностей и пр. [6]. Принятие в Год культуры долгожданного федерального закона «О меценатской деятельности» (октябрь 2014 г.) вселяет надежду на преодоление сложностей, стоящих на пути длительное время разрабатываемого нового Закона о культуре Российской Федерации. Из двух существующих на настоящее время вариантов будет принят тот, в котором заложенные механизмы культурной политики создадут условия для успешной реализации будущей «Стратегии развития культуры в Российской Федерации до 2025 года».

Таким образом, в настоящее время вопросы правовых и финансовых основ и ценностно-смысловых оснований культурной политики являются центральными для научного и экспертного сообщества страны, поскольку согласование интересов субъектов культурной политики и оценка возможностей их влияния на общественное развитие и гражданскую консолидацию — это вопрос выбора вектора цивилизационного пути России. Достижение соответствия разрабатываемой модели культурной политики образу культуры России — длительный путь, начало которому заложил прошедший Год культуры.

Список источников

1. Астафьева О.Н. Теория и практика культурной политики : смыслы — образы — действия // Гос. служба. — 2014. — № 1. — С. 72—78.
2. Международное десятилетие сближения культур (2013—2022 гг.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unesco.org/archives/>
3. Музычук В.Ю. Государственная поддержка культуры : ресурсы, механизмы, институты / В.Ю. Музычук. — М.; СПб. : Нестор-История, 2013. — 280 с.
4. Образование, наука, культура в современном мире : материалы междунар. науч. веб-конф. «Базовые идеи ЮНЕСКО в современном образовании, культуре и науке (Москва, март 2013 г.). — М. : Пашков дом, 2014. — 423 с.
5. Россия в современной международной системе координат: новые вызовы и возможности : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. МИГСУ РАНХиГС. — М. : Проспект, 2014. — 368 с.
6. Стратегические направления развития законодательства о культуре : сб. материалов по итогам выездного совещания Ком. Гос. Думы Рос. Федерации по культуре в г. Ульяновске 27 марта 2014 г. — Ульяновск, 2014. — 94 с.

Контактные данные:
119571, Москва,
просп. Вернадского, 82, стр. 1,
e-mail: onastafieva@mail.ru